

ЖИВАЯ ЛИТЕРАТУРА

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ИЗ ЛОНГ-ЛИСТА ПРЕМИИ

ФОНД ПОДДЕРЖКИ
НЕЗАВИСИМОГО КНИГОИЗДАНИЯ

СЕЗОН
2011-2012

**Коллектив авторов
Андрей Пустогаров
Живая Литература.
Произведения из лонг-листа
премии. Сезон 2011-2012
Серия «Живая Литература»**

*Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6251715
Живая литература: Э.ПА; М.: 2013
ISBN 978-5-00039-013-9*

Аннотация

В сборнике опубликованы стихотворения, переводы поэзии и проза, вошедшие в лонг-лист премии «Живая Литература» в сезоне 2011—2012 гг.. Сборник и является главным итогом Премии – свидетельством существования живой литературы, то есть способной к развитию и созданию новых смыслов.

Содержание

О премии	5
Поэзия	7
Алла Шарапова	7
Станция метро «Площадь революции»	8
Серпуховский Вал	9
Херувимская поздней весны	10
Лазарева суббота	11
Наслаждайск	14
Городские мотивы	15
Теки за Иордан	16
Крестовский мост	17
Ирина Суглобова	19
* * *	22
Приглашение	26
Лепка	28
Виктор Толков	32
Гадалка	32
Александр Закуренок	41
27 декабря. Вторая речка [1]	41
Путешествие по воде	42
Апостолы. Эль Греко	44
Из цикла	46
Спасатель	50

Светлана Максимова	52
Австралийская труба диджериду	55
Конец ознакомительного фрагмента.	62

Живая литература. Произведения из лонг-листа премии *Сезон 2011—2012*

О премии

Премия Живая литература присуждается в трех разделах: поэзия, переводы поэзии и проза.

На Премию выдвигаются произведения ныне здравствующих авторов и переводчиков, независимо от времени их написания, публикации и т. п. Также не требуется согласие самого автора или переводчика.

Выдвижение на Премию осуществляется следующим образом: номинатор публикует предлагаемые тексты в общедоступном Форуме на сайте Премии <http://name.ucoz.ru/>

Затем Оргкомитет Премии своим голосованием определяет для каждого раздела лонг-лист, состоящий из 10—15 участников. Из участников лонг-листов формируется Жюри Премии, которое своим голосованием определяет шорт-листы. Выбор лауреатов осуществляется в ходе совместного голосования Жюри и Оргкомитета. Вплоть до последнего

этапа имена соискателей не раскрываются.

В сезоне 2011—2012 гг. лауреатами премии «Живая литература» стали:

в разделе Поэзия – Алла Шарапова и Ирина Суглобова,

в разделе Переводы поэзии – Борис Дубин,

в разделе Проза – Юрий Нечипоренко.

Поэзия

Алла Шарапова *лауреат*

* * *

Когда пройдет горячка лета,
Спадет жара, остынет кровь
И разговор об играх света
Умолкнет на скамьях дворов,

Когда заснятый крупным планом
Нарядный и счастливый мяч
Не будет мчаться по экранам
Квартир и загородных дач, —

Нам вспомнится, как самый смелый
Среди зачинщиков атак
С тоской, что завершилось дело,
Смотрел на победивший флаг

И крикнул, что одно лишь это

И было жизнь, а все – игра...
Но пусть пройдет горячка лета,
Пусть кровь остудят нам ветра.

Станция метро «Площадь революции»

На станции «Спартанская» – парад.
Восстань Ликург – дивился бы такому.
Он руки бы сжимал им всем подряд,
Повстанцу, партизанке, военкому.

Задумчивый аркадский комбайнер.
Над глобусом головки двух отличниц,
И школьник, в клубе ладящий планер,
И собранность в чертах доярок, птичниц,

И юный Геркулес – литой бутуз,
Стоящий смело на плече спартанки,
Концертных блеск и театральных муз,
Солдат штыки, локомотивы, танки,

И вслушивание это в шелест рощ,
И небоскребы, МАЗы, АНы, ЗИЛы,
Любовь к преданьям и прогресса мощь —
Все в этом было правдой – кроме силы.

Поскольку будь и впрямь они сильны

И мудры так, как скульптору мечталось,
Они бы выправили путь страны,
И с ней не стало бы того, что случилось...
2009

Серпуховский Вал

Тихий мокрый бульвар упирался в шумливый базар,
Где искали минуту спасенья от жара и пыла...
Там гуляли солдатики из Чернышевских казарм
С выпускницами школ. Боже правый, когда это было!

В лето раз по пятнадцать бульвар заливало дождем,
Здесь, по слову топографа, низкий участок столицы —
За базаром все «аннушки» сразу вставляли гуртом,
Брали «лодочки» в руки и шли босиком выпускницы.

Здесь недавно совсем проживал благородный старик,
Все из тех, что сидят ни за что и едят, как попало.
Как-то раз, зачитавшись, случайно он вызнал из книг,
Что болезнь его «та» и что дело, наверно, пропало.

Я в подкисшие сливки крошила ему шоколад,
Приносила безе из Столешников в белой коробке,
Только сладкой едой зажигал он потухнувший взгляд
И подбадривал голос, уже монотонный и робкий.

Он со мной говорил, он любил, повествуя, листать
Своих изгнанных предков альбомы в часы облегченья.
Честь по чести, за «новых» решился он голос отдать,
Но уже не слышал патриаршего благословенья.

И, ладони крест накрест, лежал он напротив стены
С куполами Епархии в длинном окне запыленном...
Те девчонки не бегают в туфельках – ноги больны,
А солдатиков пораскидало в пространстве зеленом.

Я их всех помянула, склоняясь над тем стариком,
Занавесила зеркало и в ненасытной печали
Под дождем по сырому бульвару пошла босиком,
И над Свято-Даниловым колокола прозвучали.
1992

Херувимская поздней весны

Херувимская поздней весны —
Где я слышала эти слова?
Чем вы, дни мои, были полны?
Неужели была я жива?

Даже сердце смерзалось как лед,
Бой часов проникал даже в сны...
Так за что же Всевышний мне шлет
Херувимскую поздней весны?

Но позволь Ты мне радость, позволь!
Не верти больше жизни вверх дном,
Замени четверговую соль
Образованной тайны вином...

Не о том бы молить и мечтать!
Сколько бросило к небу лицом...
Дай с молитвой к Тебе предстоять,
Чтоб не умер никто подлецом.

Вот уже побеждается мгла,
Каждый камень поет у стены,
И вселенную всю обняла
Херувимская поздней весны.

Лазарева суббота

Сирий рынок пахнет нищетой,
Свежей рыбкой, миновавшим горем, —
Но сцепились ветки с высотой,
Как апостольские мрежи с морем.

Поспевай, трудись, больных лечи,
Если может вылечить venona.
Дочитают за тебя грачи
Строчки покаянного канона.

Уже остался за горою
Тот край, исхоженный зарёю
До корабельной глубины:
И Юрьев снежно-васильковый,
И мой Подолец родниковый,
И Шордыги грибные сны...

Застыли по соседству трубы.
Олимпиады, Веры, Любы —
Моих соседок милых нет...
И ты, единственный читатель,
Колхоза бывший председатель —
Бывало, приходил чуть свет

С бидоном молока от Зорьки:
— Ну, что там Ибсен, Чехов, Горький?
Еще их любит кто-нибудь?
А, чай, до всяких перестроек
Я в Шукинский сдавал без троек,
Да, видно, был заказан путь.

— Вот не пойму я Пера Гюнта,
Ведь начал молодчагой, с бунта,

А кончил...Почему?
Тригорин причинил три горя,
Но не уехал за три моря,
Поэтому простим ему...

– Всё мнил, я тут большая шишка,
И к Богу не пришёл я, вишь-ка,
Всё думалось – потом, постом...
Вчера я на погост ходила.
Ухожена его могила.
И чайка в небе над крестом.

* * *

Я ему родниковую воду дала,
Обмета припорошенный сруб.
Я звезды незнакомой название прочла
С чуть припухлых, обветренных губ.
И теперь вот все люди завидуют нам,
А не знаю, какого рожна!
Вон в колодце вода – я любому подам,
Он вам скажет всех звезд имена.

Я любила тебя с каждым днем все сильнее,
Но мне воля была дорога,
И когда ты сказал: стань рабою моей,
Я отвергла тебя как врага.
А могла бы весь мир обойти за тобой,
Но завистлива жизнь и груба,
И за то, что тебе я не стала рабой,
Всеми миру теперь я раба:
Буду мучить, ласкать, пеленать, хоронить
Не своих, не своих, не своих...
А какие могли меня сны осенить
На коленях высоких твоих

Наслаждайск

Йогурт, айс-крем – и город есть Наслаждайск,
Он на тех же кругах, что Можайск и Зарайск,
Там за детской площадкой густ бересклет —
Девочку свел ты в него двенадцати лет...
Каялся в монастырях, чаял – сам пропадешь,
Ан повелели служить... Все так же хорош...
А не пойду я с тобой – подамся к хлыстам,

Стану кормчей звездой, богородицей там.
Будет по силам мне власть, но порой на заре
Поездом стану в Москву катать в январе.
В замети снежной окно найдет на окно...
— Вот ты какая теперь, не видались давно! —
Крикнет конногвардеец, — эй, раденье когда?
И разойдутся в белой пыли поезда.

Городские мотивы

Не повторяй, что провинция — наш кабинет.
Неба-то, неба такого нигде больше нет.

Переведут тебя в Польшу, задвинут в Читу —
Вот и забудешь свою золотую мечту.

Спесь на нуле и часы на вокзалах стоят...
Скука же, скука, Вершинин! Тоска-то, тоска, Цинциннат!

В сорок с немногим, а будешь смотреть стариком,
Циником станешь, пропойцей, не то пошляком.

Да под конец еще перышко в руки возьмешь —
О альманашная блажь, антоложная ложь!

По-городскому, дружок, засвистать нам пора!
Серая кошка мяукнула в сердце двора —

И вылезают из ям, выползают из нор
Доктор, графиня, директор тюрьмы, сутенер.

И ничего, что они уже сдали зачет
В то Зазеркалье, где Лета в Саргассово море течет.

И пустяки, что они не хотят тебя знать,
Словно котят своих Мурка, пустившись гулять...

Старый жучок с автострады, наглец и лихач,
Перелетит с тобой вброд, понесет тебя вскачь.

Теки за Иордан

- *Что делать мне? – Покайся и смирись.*
- *Что делать мне? – Поболее раздай.*
- *Что делать мне? – Теки за Иордан.*

И скажет Бог: «За Иордан теки!»
Все реки – именем одной реки.

И сеятель ты или капитан,
Удел твой – Вера или мастерство,
Своим путём теки за Иордан,
Для одного отвергнувшись всего.

Ещё волнуют голоса услад,
Звучат в сознание флейты и тимпан, —
Но над тобой шумит свободы сад,
И телу влагу дарит Иордан.

Как из руки плохих редакторов,
В ужасном виде бытия роман,
И слёзы хлынули. Но шепчет кровь:
«Оставь как есть. Теки за Иордан».

Ты повстречаешь тысячи препон,
Не убоись, входя во вражий стан.
И, даже уходя за Флегетон,
Ты всё равно течёшь за Иордан.

Крестовский мост

Памяти Бориса Пастернака

Сколько хватит отваги —
Не снижать высоту.
Разноцветные флаги
На Крестовском мосту.

Только правду мы ищем.
Снегопад. Гололед.
Над смиренным кладбищем

Дважды колокол бьет.

В жизни много простится,
Если сильно любить.
Гамлет смог расплатиться,
А Христос искупить.

Взметены скоростями
Перепутий кресты.
Над стальными путями
Повисают мосты.

Но всегда эти двое
Возвращаются вновь
Там, где сердце живое
Гонит чистую кровь.

Так чего еще хочет
В эту ночь снегопад?
Электричка стрекочет,
Снег сбивают с лопат.

И молчат исступленно
В завываньях сквозных
Старых марок вагоны
На путях запасных.

Ирина Суглобова

лауреат

* * *

Так ты еще не понял, милый,
Что, потеряв мою любовь,
Ты потеряешь жизнь и силы,
Стихи и славу, кров и кровь?

Напрасно ты неосторожно
Меня втянул в свои пути —
Со мной остаться невозможно
И от меня нельзя уйти.

Герой, не ведающий страха!
Пастух, что сам себе закон!
Тур златорогий, это ж плаха —
Плох уязвленный скорпион.

А мы с тобой ужасно схожи —
Как день и ночь, сестра и брат.
И я была неосторожной.
Мне тоже нет пути назад.

* * *

Он ходит на лекции с легким пакетом,
Который украшен портретом моим:
Там юная я приснопамятным летом
И тысячелетьем другим.

Века потрудились, потрескались краски,
Но что до минувшего нам?
И я, как и прежде, без должной огласки
Сорву этот плод и отдам.

* * *

Будет утро – мы встретимся в храме,
На рассвете случайного дня.
Приложась к зацелованной раме,
В отраженьях увидишь меня.

Как в худом я копаюсь кармане
Как случайную мелочь плачу,
Задрожит оробевшее пламя
И свеча поцелует свечу.

Пред распятием вставшие рядом,
И зашедшись горячей слезой,
Будут свечи мучительно рады
Нашей встрече случайной с тобой.

И руки не посмевши коснуться,
И поднять, не осмелившись взгляд,
Жадно смотришь как свечи сольются
Воедино; когда догорят.

Будет зарево в небе морозном
Пахнуть ладаном сладко, как встарь,
Будет бить в потускневшую бронзу
Захмелевший от счастья звонарь.

* * *

Он торгует в антикварной лавке,
Он – старьевщик, он почти старик,
Мотыльком, дрожащим на булавке,
Взгляд к стеклу витринному приник.
Меж пастушек с обнаженной ножкой
И почти ослепших образов
Лысый, старый, включенный, продрогший
жалкий, словно праведник Иов —

Лавочник... ведь вот чем отомстила.
Ангел мой, простишь ли мне потом,
Что подушкой впрок не удушила,
И не приложила топором.
«Что же делать если обманула...»
«Что ж, звиняйте, дядьку... Бог вам по...»
В спазме нарастающего гула,
Прошмыгнешь, провалишься в метро.
Обреченно выйдешь у вокзала,
Где луны на рельсах бьется свет...
Я ж его еще поэтом знала —
Это был любимый мой
поэт.

* * *

*Прозорливцу старцу
отцу Николаю, что
на острове Залитое
возле Псковско-Печорской
лавры*

Остров Залитое залит по колено.
Мы к нему подходим по воде.
Желтая болезненная пена
В каменной полощется гряде.

Здесь река Великая теряет
Облик рек, известный испокон —
И сама себе напоминает
То ли море, то ли небосклон.

Рыбаки торгуют судаками,
Судна убаюканы волной,
И рассвет размытыми мазками
Всех рисует краской голубой.

Раз в седмицу им привозят хлеба.
В остальном живут, кто чем богат,
Над землей качнулся свиток неба,
Словно занавеска Царских Врат.

Плача, видишь: женщины и дети
Семят к церквушке через плес.
Синеглазый старец, ставя сети,
Выловит нас всех из моря слез.

* * *

А мама стирала мой белый платок,
Пока я спала, простудившись в дороге.
Заставили пить обжигающий грог,

Заставили парить с горчицею ноги.

Проснувшись, увижу старинный узор —
Платок мой – размером в оконную раму,
Сквозь зубчики виден заснеженный двор...
И слышно – сестра подошла к фортепьяно

И пела... (как жили мы порознь и врозь?)
И музыка эта меня не будила...
Знать, не было в жизни ни грязи, ни слез.
А если и были – все мама отмыла...

* * *

А в окнах его – на ветвях снегири,
А я снегирей столько лет не видала:
Как спелые яблоки, как – фонари...
Как зимние солнца – горят вполнакала.

И каждое пыжится птицей живой
Без всякого: «как» – снегири, да и только —
И как это мир стал настолько цветной?
И как же он был черно-белым настолько?

* * *

Вчера перепутала солнце с луною —
Знать, впрямь все равно, что висит надо мною
И светит так тускло, как старый пятак,
Что, стыдно сказать — лучше б вовсе никак.

Приходится думать: наверное — годы...
Растерянность в мыслях и чувствах природы...
Наверное, возраст случился такой —
Меняется солнце местами с луной.

* * *

Перейдём на осеннее время. Увы...
Это время мы брали у неба взаймы,
А теперь возвращается старый должок.
Видишь кружится... даже ложится снежок.

Это, ежели было б мне — лет двадцать пять,
Эту влажность могли б вы за слезы принять,
Но теперь я не плачу — я только смеюсь,
И не осени я, ни весны не боюсь...

Осенняя синью суровых небес
Я с любовью живу ровно так же и без.
Этот бес, что пытался ударить в ребро,
Будет долго визжать и поскуливать... но

Перейдем на осеннее время, ура!
Замечательная – золотая пора.
Долгожданное ясное терпкое все,
Время бархатных платьев, объятий – твое!

Эта бархатность и революций, и дней,
Время осени – зрелости, значит, твоей.
Время вальсов осенних и хересных вин,
Время поздних прозрений и ранних седин.

Это значит, что время страды улеглось,
И уже не нужна благородная злость.
Отойдет скоро время обид и хлопот,
Перейдем на осеннее время... вот-вот...

Приглашение

Там будет у вас и корова, и кошка,
собака и сад...
Там яблоки спеют – надкусишь немножко,
все знаешь подряд.

А съешь пополам – и считай, что бессмертен,
поскольку любим...
И адрес на старом помятом конверте...
Но неразличим...

* * *

Говорил: коли смерть разлучит нас, послушай, —
Лишь тогда я твоей удостоюсь любви.
Только там не нужна она – там одни души.
На погост не мотайся. А просто живи.

Все равно: либо я ничего не услышу.
Иль, услышав, рассорюсь с архангелом в дым.
И у звездного купола выломлю крышу.
Коль услышу, что я тобой снова любим.

Говорил он, а смерть у порога стояла.
Отвечала тогда я ему невпопад:
Да, поставлю-де крест и забуду, что знала...
Так что ты не дури – возвращайся назад.

Лепка

Адам – в переводе – Красная глина

Я люблю эту красную глину,
Напоенную жаждой дышать.
В дни творения Эммануилу
Было рук невозможно отнять

От ее огнедышащей плоти,
От ее упования – жить.
И, погрязшему в этой работе,
Рук к субботе Ему не отмыть.

Так жонглер запускает под купол
Сразу девять лучистых мячей,
И вальсирует в воздухе труппа
Звезд, плененных задумкой твоей.

Я люблю тебя, красная глина,
И, увязнув в тебе, не ропщу,
В эту гулкую хрупкость кувшина
Превращаясь, прельщаясь, прощу

Всё... чтоб вжиться – вдохнуть и остаться,
Вдохновение и прах пополам —
В звучных сферах землей распластаться...

Я люблю.....

Пробуждайся, Адам.

* * *

Багдад бомбят.

Над рифмою такой

Другие рифмы забываешь сразу —

Сливается потерянный покой

В одну сиреной длящуюся фразу.

А я б Багдад писала через «о»:

Кого б ни били – убивают Бога.

Неграмотное бабье естество

Войне сопротивляется убого.

А им бы все бабахать посильней,

Искать повсюду новых виноватых.

Кого б ни били – перебьют детей.

Бессмысленны окопы, маскхалаты.

Стон раненой земли: «Багдад бомбят» —

Вбиваем южным ветром в снег отчизны.

Там раньше райский сад был, говорят,

И там произрастало Древо жизни

* * *

В этом сером, в этом двухэтажном
там лежит, должно быть на столе
Самый добрый, умный и отважный
На любовь не отвечавший мне?

Как уж я его не тормошила,
Как не умоляла – не сбылось...
Ни одна не шелохнулась жила.
Слово ни одно не прорвалось.

Так он сжал запекшиеся губы,
Что ни целованьем, ни слезой,
Их не разомкнуть... в день судный трубы,
После потянутся со мной?

Хоть бы стон единственный, на бедность...
Все в глазах отсутствия стена...
Вот... какой бывает безответность...
Раньше мне – лишь чудилась она.

* * *

Когда уже нет ни надежды на чудо,
Ни смысла сражаться,
Ни повода жить...
А кухня забита немытой посудой,
И злой телефон продолжает звонить,

Неправильно думать, что выход – пилюли,
Неправильно думать, что выход – балкон,
А правильно – мыть регулярно кастрюли,
А, может быть, и ублажать телефон.

А в преодоленье нелепостей всяких
Увидеть и цель, и награду свою.
И стоя на том, что является плахой,
Обжиться и выжить. И жить как в раю.

Виктор Толков

Гадалка

Высохшая, тощая как палка,
с вековечной скорбью на лице,
ты стоишь как старая гадалка,
женщина в потёртом пальтеце.
В сторону глаза свои скосила,
плотно сжался тонкогубый рот.
Неужели есть такая сила,
что тебя от вечности спасёт?
Тишина, лениво шевельнулась
тень на листьях цвета янтаря.
Может там, откуда ты вернулась,
всё ещё дымят концлагеря?
Может быть, твоих сестёр и братьев
топят там как бешеных собак,
и клинок с неистовым проклятьем
над тобой заносит гайдамак.
Мир ли светлый впереди ты видишь
или сына обгорелый труп?
Твой картавый полумёртвый идиш
как слюна соскальзывает с губ.

* * *

Я ощутил родство между собой
и кладбищем еврейским в Кишинёве,
как будто пробудился голос крови
и взвыл Иерихонскою трубой.
И Театральный переулок мой
забыть навечно не хватает силы:
кружат над ним знакомые могилы,
как ласточки – и летом и зимой.
Из эмигрантской дали грозовой
спускаюсь вниз – по снам, как по ступеням,
в осенний сад, к таинственным растениям,
где не поймёшь, кто мёртвый, кто живой.

* * *

Я судьбу ломаю о колено,
ничего не чувствуя почти.
Словно имя древнее Елена
загорелось на моём пути.
Или летней золотой порою
на исходе сорока годов
захотело моё сердце в Трою,

эту мать мёртвых городов.
Боли нет в прощанье запоздалом
и надежды не заметно в нём.
Жизнь как будто небо над вокзалом
залита серебряным огнём.

* * *

И я вошёл с отцом и сыном,
с надеждой, стёршейся до дыр,
в Израиль, что вколочен клином,
в арабский выморочный мир.
Здесь лишь один скачок звериный,
и всех действительно убьют.
Израиль, черны твои равнины,
молитвы грозные поют.
Остёр зрачок израильтянки,
насквозь готовый проколоть.
Когда в ночи рванутся танки
на человеческую плоть.

* * *

В изгнании горьком и сладком

оборвана времени нить.
Под рухнувшим, мёртвым порядком
какие надежды хранить?
От гари, тоски и бензина
страшна неродная краса.
Слышны твои хрипы, чужбина,
под утро – в четыре часа.
В субботу шершавое пенье,
как шорох дождя в тростнике.
Но кажется нет воскресенья
на этом библейском клочке.

* * *

В раскалённой расплавленной сини
нет ни капли колодезной тьмы.
И свирепо дыхание пустыни
опалило сердца и умы.
Палестина, железною сетью
разметались твои города.
И молчат изжитые столетья,
как в канаве – гнилая вода.

* * *

Я почувствовал запах полыни,
мне слышалось пенье стрекоз,
и долина, хмельная от роз,
с чёрным озером посредине.
Узнаю этот солнечный стон,
карнавал обезумевших пятен.
И в любовной тоске необъятен
на зрачок налетевший фотон.
И утраты теряется суть
возле ивы, согнувшейся вдвое,
где надеется чувство живое
неразъёмную смерть разомкнуть

* * *

Умирают осенние травы,
не кричат, обезумев, скворцы.
Как осколки разбитой державы,
мчатся листья в чужие концы.
Молчаливое время распада,
чья походка как ночь тяжела.
Хорошо, если сердцу не надо

ни восторга, ни страсти, ни зла.

* * *

В эпицентре цветущего лета,
из-под тесно сплетенных ветвей,
долетел отголосок сонета,
что заводит с утра соловей.
Бесшабашне, сильнее, сокровенней,
чем в апреле, в зените весны,
где-нибудь над кустами сирени,
и как будто часы сочтены.
Ностальгия, стоишь на перроне,
ожидая, глядишь в никуда.
Погружаются в август ладони,
и дрожит голубая вода.
Рецидив ли? Не ведаю, право.
Я вернулся, усталый и злой,
чтобы впрыснуть счастливой отравы
металлической тонкой иглой.

* * *

Так исчезло мое поколение,

расползлось как прогнившая ткань.
Словно третье стоит отделение,
наша хмурая Тьмутаракань...
Только ветер в кустах шевелится,
бормоча всякий вздор, как старик
И секунду какую-то длится
полуночный разбойничий крик
И с великой планеты Разлуки,
из утробы ее ледяной,
привидения, тени и звуки,
прилетают для встречи со мной

* * *

Я Родину выжег железом калёным,
и в столбики пепла свернулись поля.
Не нужно уже притворяться влюблённым
в эти акации и тополя.
И кладбище, отческий дом или школу
горящая воля моя рассекла.
И рухнуло всё, стало пусто и голо,
и вырвалась в мир первозданная мгла.
Вот я – бунтовщик, уничтоживший звонкий
храм, коему может быть тысяча лет,
стою на краю исполинской воронки,
следа, как вокруг стекленеет рассвет.

* * *

Не уходит в туман электричка,
и деревья не стынут в снегу.
Взгляд твой тяжкий и хмурый, москвичка,
равнодушно принять не могу.
Ностальгия нахлынула снова,
то же самое было со мной.
Помню чёрную ночь Кишинёва
и каштан возле дома весной.
Я твой брат по изгнанию и вере,
по земле, что горит на весу.
Безнадёжное чувство потери,
как и ты, молчаливо несу.

* * *

Опять каштаны расцвели
в тенистом парке возле дома,
и так зовуще и знакомо
поют залётные шмели.
Двойник румынского царя
над головами меч вздымает,

но судеб больше не ломает,
страны историю творя.
И я оцепенев стою,
прохладой утренней объятый,
прозрачный воздух горьковатый
в любовной судороге пью.

* * *

Итак родиться в Молдавии, чтоб душу отдать в Америке
Где-то в больнице в Бруклине от моря недалеко.
В железной её стерильности неуместны истерики,
И вены переплетаются на пожелтевшей руке.
А может быть лучше где-нибудь в израильском
поселении
Пулю поймать залётную по дороге домой.
Услышать во сне тягучее на древнем иврите пение,
Когда трава пробивается сквозь ржавый песок зимой.
Но мне бы хотелось всё-таки, уже ни о чём не ведая,
Заснуть на Скулянском кладбище, где не хоронят давно.
Трава там почти до пояса. У памятника беседа,
Присядут два молдаванина и выпьют своё вино.

Александр Закуренко

27 декабря. Вторая речка ¹

В декабре, – говорят, – в декабре,
На заре, – отвечаю, – на зорьке,
На амбаре, на досках, на корке
Крови спекшейся, и на коре...

По реке, – говорят, – по воде,
На плотах, – отвечаю, – на веслах,
Елях спиленных, срубленных соснах,
Душах стылых, постылой беде.

А стихи, – говорят, – а слова,
В мерзлоту, – отвечаю, – в туманы,
И летят журавлей караваны,
И ахейская льется листва.

Времена, времена, – говорят,
В пустоту, – отвечаю, – в беспамять,
На Дунае, на Волге, на Каме,
И кивают. И молча стоят.

---

¹ Вторая речка – река под Владивостоком, также название лагеря, где умер О.Мандельштам (*прим. публикатора*)

Путешествие по воде

Стремнина, череда островов,
Камень, покрытый лесом,
Базальтовый мур, под собственным весом
Расслоившийся среди рек и ветров.

Здесь бы и жить, ловить рыбу,
Ходить на моторке, кормить чаек,
Мимо плывущий паром встречая,
Думать о том, что и мы могли бы

С нашего острова с женой перебраться
На материк, где твёрже почва,
А здесь только раз в месяц почта
И не с кем, кроме травы, общаться.

Хотя по ночам маяк мигает,
Ухнет филин, со сна, должно быть,
Со лба стирая сажу и копоть,
Сидим у костра, у мира с края.

И что нам чужая жизнь двойная,
Где нет тишины, воды, листьев,
Чайка над нами с утра зависнет,
Небо, что колыбель, качая.

Взять, уехать бы в никуда,
Где холмы и реки составляют одну линию,
Где слово «вода» и есть вода
Глубокая, синяя.

Там деревья дольше живут, чем мы,
А трава выше бегущей собаки,
И не хватит белка, белил, сурьмы,
Чтоб замазать перепады, где взлёты и буераки.

Дорогие озёра, стойбища сна!
Сосны, лёгкие, как птенцы
цапли, вспыхивающей, что блесна.
Золотых колосьев венцы.

Старой мельницы круговорот,
Ряскадвигающихся болот,
В глубине сырой поворот,
Взмах, прощающий от ворот.

Что ж, прощай и ты, человеческий костяк,
Привечай нас, сырой песок.
Дом для тёплой жилки – висок,

Гроб, где крови поток обмяк.

Апостолы. Эль Греко

Тосканской зыбкости верблюжья
колыбель,
Растаивающая прядь.
Чем ближе смерть, прозрачнее
свирель,
Жирнее почвы пядь.

И эти кипарисы, и гора,
и удлиненный жест
Армады среди моря, и жара:
овечьих мест

Средь одуванчиков, левкоя, резеды,
Среди сгорающих олив.
Губам потрескавшимся б
горсточку воды.
Свод ночью так высок
(чуть вздрогнет под рукой)
и молчалив.

Как качаются льды
На волне, над волной,
Среди черной воды
Под луной золотой.

Белых чашек прибой
(Желтых зданий тюрьма,
На Неве, над Невой
Умирает зима), —

Как безжалостны их
Шепот, гомон, — и плач
Петропавловских игл,
И судачь не судачь

(Если сходит с ума
без нее этот град), —
обветшала сума
четверть века назад,

Остаются огни
Над рекой, над судьбой,
И мерцают они
Как прибой, как отбой.

Из цикла Русские поэты

* * *

Он умер от инфаркта.
Хрустального певца
Позолотилась карта
В преддверии конца.

Как малые побеги
Однажды написал.
Пахучий храм телеги,
Небесный сеновал.

Душа-жалейка плачет,
Как чайка на песке,
То, бедная, судачит,
То голосит в тоске.

Молчит душа-гречанка,
Мигает ей звезда.
Уходят с полустанка
На небо поезда.

10.04.02

* * *

Сиплый пар, петербургская хлябь
И воздушная сфера вокзала.
По Неве предрассветная рябь,
Как предсмертная поступь портала.

Чудный город, родной и сквозной,
Отраженья воды и гранита,
В жёлтых окнах над чёрной рекой
Облаков серебристая свита.

И когда паровозный гудок
Вдруг вплетается в траурный полдень,
Будто поезд ушёл на восток,
А на западе время не помнят,

Умолкает шарманка, ларец
Открывается, полн лепестками.
На ступеньках расцветший венец
Перед дверью, закрытой не нами.

19.06.02

За окном моим куст сирени,
А поётся всё тяжелей,
И кузнечик сверчит без лени
О судьбе моей.

Улетели недавно птицы.
В ожидании холодов
Листьям падающим снится
Воскрешенье плодов.

Расцветай же, бутон пятипалый,
Возвращайтесь, птицы, домой.
За друзей ушедших, усталых,
Пропоёте вы упокой.

Щебетанье, щелчки и пенье,
Стрекотание кузнеца,
Увяданье цветов сирени —
Это всё отголоски Творца.

И другого пути не бывает,
И пейзаж-то один, и день.
Увядает, себя убивает,
И опять расцветает сирень.

Сирень расцветает в неспешном саду,
Трепещут слова, словно рябь на пруду,

И ветер кудрявый, касаясь осоки,
Легко замирает на ноте высокой.

О чём этот ветер и листьевшептанье?
Тут камни живые и мертвая тайна.

О вечной любви, о внезапной разлуке,
О чёрной земле, замирающей в муке?

О птицах парящих, о лилии влажной,
О том что мгновенно, нетленно, неважно?

О иве, склонившей седое обличье,
О мире подземном, о возгласах птичьих?

О лёгкой слезе, задрожавшей на розе,
Поэзии тихой, умолкнувшей прозе?

Спасатель

В белом домике вдруг загорается свет,
Красный круг говорит: «Он тут».
И выходит спасатель, в жилет одет,
И к нему мертвеца несут.

Заплелись в волосах мертвеца рачки,
И моллюски в устах его,
И белесой коркой покрыты зрачки —
Льдом средь дантовых берегов.

В чёрном старом саду стоит тишина,
Кипарисы-солдаты молчат.
«Он спасет или нет?» – бормочет волна,
И летучие мыши кричат.

И берет спасатель ладонь свою,
И прикладывает к груди,
И трещат цикады, сверчки поют:
«Все мы грешны, суди не суди,

Но поем и знаем – таков улов,
Потому как назначено так.
Почему ж человек к смерти готов,
Умирать человек мастак?»

И павлины гундосят свое во тьме,
И стаканы у пьяниц звенят,
И тяжелые волны по спинам камней,
Как щенки, доползают до пят.

И Спасатель плачет над мертвецом,
И маяк, как архангела свет,
Наклоняясь огромным чистым лицом
Утверждает, что смерти нет.

И летит в темноту спасательный круг,
И мертвец открывает глаза,
И огромное море светится вдруг,
Словно золото и бирюза.

Светлана Максимова

* * *

«Глоток вина смягчает сердце», —
сказал мне так седой цыган.
Он с уха сдернул полумесяц
и уронил серьгу в стакан.
Мы были с ним знакомы с детства
как мальчик с девочкой... И что ж...
Глоток вина смягчает сердце
и в сердце входит, словно нож.
Мои вы белые цыгане,
седые до корней волос,
ведь я была любима вами,
как ландыш дикий у колес.
Дитя, подкинутое Богом,
белей беленой конопли.
Собрали мне судьбу по крохам
и на бездомье обрекли.
И стало мне родней бездомье,
чем тот сгоревший отчий дом.
Есть теплый пепел на ладони
в рукопожатии моем.
И тот, кто руку не отдернет,

к губам ладони поднесет —
он, как в пылающий терновник,
в судьбу мою навек войдет.

* * *

Притчи птицы Феникс тем и хороши,
Что не всем понятны.
Всякий пепел мира для ее души
Родимые пятна.
Чем пониже пепел тот к земле приник
Тем и животворней.
Вот стоит, шатается пьяненький старик,
Курит на платформе.
Ждет он электричку.
Едет до Тайнинской.
Зажигает спичку,
Говорит таинственно
С маленькой старушкой,
Прикурившей рядом:
«Хоть чучелом, хоть тушкой —
А лететь-то надо.»
Стряхивают пепел,
Шепчут: свят-свят-свят...
И во чистом небе
В Индию летят.

Все восемь блаженств ей садились на плечи,
Как птицы, клюющие сердце и печень.
Она же лишь клетку пустую везла
И два за спиною пустынных узла.
Он был в этой клетке по счету восьмым,
И пил он, и ел ее слезы, как дым,
И ныл, аки янгол, до самых Мытищ,
Что жаждущ, и страждущ, и духом он нищ.
А после он допил все капельки слез,
И вышел, и клетку пустую унес.
Ее разбудил на рассвете старик
И крикнул, что поезд загнали в тупик.
Тогда она ношу зубами взяла
И два развязала пустынных узла.
И руки свои вознесла к небесам.
И молвил оттуда рожденный ей сам:
Блажен же ты будешь рожденный в пути,
Которому некуда больше идти,
Которому некого больше любить,
И чью пуповину, как будто бы нить,
Старуха в сожженной деревне сучит
Из тех пепелищ, где не птица кричит,
А восемь блаженств, никого не найдя,

Все плачут и плачут, как будто дитя.

Австралийская труба диджериду

Какой у него нежный рот,
у того, кто играет на австралийской трубе.
Он листок агавы губами берет,
вырастающий из ноты «ре».
В австралийских джунглях есть такие цветы
с завязанными глазами и раскрытым ртом.
Они в полночь с Богом говорят на «ты»,
но молчат о том,
какой у него нежный взгляд
у того, кто играет на австралийской трубе.
Сквозь него все птицы и звери глядят
и жемчужной каплей сверкает яд
на прокушенной детской губе.
Чтоб никто не посмел украсть поцелуй
Ни на ноте «ми», ни на ноте «ре»,
кроме девы тайных воздушных струй.
что живет в австралийской трубе.

* * *

Погоди... еще о самом главном
Я скажу тебе – глаза в глаза...
Изогнулась вся улыбкой фавна
В окнах виноградная лоза.

Если умирать – умрем на юге!
Под ногами – музыка горит!
Колокольчик медный в рваном ухе
У цыгана пьяного звенит.

Так живешь себе светло и славно,
Бережешь и честь свою, и сан,
Но приходит гость с улыбкой фавна.
– Странник, – говорит, а сам, а сам...

Голубей пускает он из уха,
И звенит, звенит его серьга.
И поклоны бьет ему старуха,
А на нем – козлиные рога.

Да и весь увит он виноградом,
И с рогами дьявольски хорош.
Он поет, что верным будет братом,
А продаст, наверно, ни за грош.

На порог бы прежде не пустила,
Ну, а тут забыла срам и стыд.
И откуда в нем такая сила?!
Под ногами музыка горит!

Отчего, о Боже, с нею вместе
Так не страшно и на страшный суд?
Отчего из той козлиной шерсти
Ангельские крылья девы ткут?!

Нам уже на север нет возврата,
Там сожгут нас, верно, за грехи.
Ну, а здесь царицей винограда
Ты меня со смехом нареки.

Потому что север к нам коварен,
И не скрыться от суровых глаз.
А на юге все мы – божьи твари,
А на юге Бог возлюбит нас.

А простит, уж верно, и подавно,
Ведь грехов-то – музыка одна!
Ангел с молодой улыбкой фавна
Наливает красного вина!

* * *

Но в добрый, но в самый счастливый наш час
На Невском играет божественный джаз.
Трубач бородат и взъерошен.

Он к небу развернут своей бородой.
И в небо впечатан он вместе с трубой
Счастливой смеющейся рожей.

И ангелы шумно толпятся над ним.
Лишь ноту берет – и рыдают они
От счастья: «Гуляем! Гуляем!»
Мы катимся вниз, пропадаем, горим,
Но все же ведет нас причудливый ритм
По белым хребтам Гималаев.

Ах, нищая птица! Ах, птица – змея!
Он снова трубу поднимает, смеясь.
Он первый трубач Петербурга!
Куда он зовет нас над темной Невой?
Он солнце вдыхает – и нота его
Возносится, как Джомолунгма!

* * *

На Невском пахнет морем, тиной
И флорентийскою тоской...
Да почему же флорентийской?..
Ну, а какою?.. А какой?!

Не все ль равно, как назовемся

Под звук Архангельской трубы,
В каких каналах тонут весла
Сомнамбулической судьбы,

Где на руках меня носили
И заливали в купола...
Как будто я жила в России...
Как будто я, вообще, жила!

Как пес бродячий воеет сердце
На Петербургскую метель.
Нам не видать иных Венеции,
Их упоительных смертей

С клубничным запахом заката,
С ночными розами зимы,
Где породнились мы когда-то
Великим праздником чумы.

Наверно, в этом и игра вся —
Когда на счете: «раз... два... три...»
Душа с соломинкой пространства
Над пеной космоса мудрит.

И все глядит недоуменно
На этот радужный пузырь.
И называет поименно:
Нью-Йорк, Венеция, Сибирь...

И просыпается единой
В какой судьбе?.. В стране какой?..
На Невском пахнет морем, тиной
И флорентийскою тоской...

* * *

Что же делать? Ничего не делать.
Быть живым, как голуби и овцы.
И любить смуглеющее тело
Все равно под чьим горячим солнцем.

И бродить по гулким дебрям сада,
Не вступая ни в какие торги
Со страной, выпавшей в осадок,
Словно в алхимической реторте.

* * *

Как же любила тебя я безумно.
Право, смешно даже вспомнить... И вот
Ангел, похожий на детский рисунок,
Между страницами жизни поет.

Что с ним поделаешь, что с ним попишешь?

Книгой захлопнешь мартовский снег...

Каждое слово кажется лишним

В книге без слов... И напрасен побег —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.